

Искусственный интеллект и право

Научная статья

JEL: K 10

УДК: 340

DOI:10.17323/2713-2749.2026.2.4.22

Автономия лица и автономность систем искусственного интеллекта, или почему системы алгоритмических вычислений не будут признаны субъектом права

Геннадий Игоревич Уваркин

Правовое бюро «Омега», Россия, Москва 125375, Тверская ул., 12, стр. 5,
uvarkingi@pbomega.ru

Аннотация

В статье анализируются концепции, применяемые при попытках определения статуса системы искусственного интеллекта и его места в современном праве. Автор отмечает уникальность человека как субъекта права и проводит сопоставление автономии воли человека с автономностью системы искусственного интеллекта. Подчеркивается, что системы искусственного интеллекта, как и животные, не обладают правосубъектностью ввиду отсутствия автономии воли как неотъемлемого свойства личности и субъекта права. По мнению автора, именно отсутствие автономии воли, собственных целей и интересов не позволяет говорить о какой-либо субъектности систем искусственного интеллекта; при этом наличие когнитивных способностей, позволяющих решать различного рода задачи, не может служить основанием признания субъектности используемых для решения таких задач программы или технической системы. Поскольку личности приобретают субъектность в рамках социальных отношений, вступая в такие отношения друг с другом, а не с искусственным интеллектом, отсутствует возможность признания последнего участником таких отношений, самостоятельной личностью и субъектом права.

Ключевые слова

искусственный интеллект; автономия; автономия воли; субъект права; агентность; электронный агент.

Для цитирования: Уваркин Г. И. Автономия лица и автономность систем искусственного интеллекта, или почему системы алгоритмических вычислений не будут признаны субъектом права // Вопросы права в цифровую эпоху. 2026. Том 7. № 2. С. 4–22. DOI:10.17323/ 2713-2749.2026.2.4.22

Введение

Активное развитие технологий искусственного интеллекта (далее также — ИИ) в последние годы породило бурные споры — как на уровне обывателей, так и среди специалистов в самых разнообразных сферах. Юридическая общественность не осталась в стороне от этой полемики. За короткий срок опубликованы сотни работ, посвященные данному вопросу, проводятся десятки конференций, круглых столов и других дискуссий.

Одной из основных стала проблематика статуса системы искусственного интеллекта. Предлагаются теории, сторонники которых пытаются найти место ИИ в праве с помощью самых разных концепций — имущества, юридического лица, животного и т.п. Всерьез звучат голоса о возможности признания ИИ субъектом права.

Вопрос о возможности признания кого-то (или чего-то) помимо человека субъектом права, радикален. Он предполагает пересмотр права, равному которого в человеческой истории еще не было. Есть ли основания для развертывания дискуссии в данном направлении? Автор настоящей статьи стремился ответить на данный вопрос. Однако следует предварительно разобрать, что стимулирует постановку вопроса об уподоблении ИИ человеку с точки зрения права. Необходимо отметить несколько обстоятельств: непонимание характеристик лица как субъекта права, непонимание специалистами в области права и иных общественных наук сущности деятельности систем ИИ (во многом ввиду использования терминологии, имеющей антропоморфный оттенок), и впечатляющий рывок в развитии технологий ИИ, произошедший в последнее время, заставляющий предполагать еще более впечатляющее развитие.

В настоящей работе исследованы вопросы о свойствах ИИ, ставших предпосылкой дискуссии о возможности наличия у него той или иной формы субъектности; вопрос об автономии воли как предпосылке правосубъектности человека. Сопоставлены категории автономии воли

человека и автономности систем ИИ в решении определенных функциональных задач (в реализации алгоритма), на основании чего будет сделан вывод о кардинальном различии данных понятий. Также предстоит исследовать конструкцию юридического лица как субъекта права, отличного от человека, и выяснить, может ли признание юридического лица субъектом права свидетельствовать о возможности признания иных искусственных субъектов (систем ИИ) или, напротив, свойства юридического лица исключают постановку вопроса о признании субъектами права иных фикций, лишенных человеческого субстрата. Наконец, на примере дискуссии об охране животных предполагается сделать вывод о надлежащих правовых формах правового регулирования «имущества особого рода».

1. Определение свойств ИИ в контексте дискуссии о правосубъектности

Системы ИИ, строго говоря, не новы, однако их роль в последнее десятилетие драматически возросла. основополагающая работа в области технологий искусственного интеллекта — статья Алана Тьюринга «Может ли машина мыслить?» — вышла в свет в 1950 году. В 1950-х годах искусственный интеллект сформировался как самостоятельный предмет научных исследований в информатике.

Понятие «искусственный интеллект» является многозначным. Оно используется и для обозначения отрасли компьютерных наук¹, и для характеристики свойства технических и программных интеллектуальных систем. Нас, безусловно, интересует характеристика ИИ как вида интеллектуальных систем.

В зарубежной литературе есть такое определение: искусственный интеллект — «способность системы правильно интерпретировать внешние данные, извлекать знания из этих данных и использовать их для достижения конкретных целей и задач посредством гибкой адаптации» [Kaplan A., Haenlein M., 2019: 16]. В числе важнейших свойств такой системы автономность в реализации алгоритма и самообучаемость. М.В. Залоило предлагает определять искусственный интеллект как свойство интеллектуальных систем выполнять творческие, интеллекту-

¹ Так, Большая Российская энциклопедия определяет искусственный интеллект как раздел информатики, в котором разрабатываются методы и средства компьютерного решения интеллектуальных задач, традиционно решаемых человеком. К прикладным направлениям ИИ относят создание технических устройств, способных к логическим выводам и рациональному поведению, к приобретению новых знаний и диалогу с человеком-пользователем. См.: Искусственный интеллект. Available at: URL: <https://bigenc.ru/c/iskusstvennyi-intellekt-ac9fb0> (дата обращения: 07.05.2026)

альные функции, присущие человеку [Залоило М.В., 2021: 13]. Словарь английского языка «Коллинс» (признавший термин «искусственный интеллект» словом 2023 года) определяет ИИ как разновидность компьютерной технологии, которая направлена на то, чтобы заставить машины работать разумно, подобно тому как работает человеческий разум². Специалисты в области компьютерных наук определяют ИИ как системы, которые будут, как и человек, обучаться на основе взаимодействия с примерами из реального мира. Иными словами, ИИ — раздел компьютерных наук — машинное обучение, которое занимается извлечением алгоритмов и знаний из данных³. Распространенный вид ИИ — генеративный ИИ. Такие программы способны самостоятельно создавать тексты, изображения или другие медиа данные в ответ на запросы.

Большая часть предлагаемых специалистами определений искусственного интеллекта страдает существенным недостатком — в них делается акцент на его уподоблении человеку. Однако, что имеют в виду, когда утверждают, что система ИИ выполняет творческие и интеллектуальные функции, присущие человеку, создает контент и т.п.? Действительно ли имеется в виду, что система «думает», «творит» или «обучается»? По всей вероятности, речь идет не о процессе мышления или творчества, а о результате деятельности системы ИИ — о выполнении ею мыслительной или созидательной задачи. И результат действия системы ИИ достигается не в результате «озарения» или «вдохновения», а в результате реализации заложенного в систему алгоритма и с использованием переданной системе ИИ для обучения исходной информации. Есть основания думать, что важнейшее отличие системы ИИ от человека — в неспособности создать новый результат, не вытекающий из предшествующего «обучения».

Более того, с точки зрения автора данной работы использование термина «искусственный интеллект» препятствует раскрытию объясняемого явления, так как в этом термине заложено уподобление человеческому разуму. Между тем искусственный интеллект — это не более чем система алгоритмических вычислений определенного уровня.

Одним из наиболее распространенных типов технологий искусственного интеллекта в настоящее время являются большие языковые модели (LLM). Эти модели специально разработаны для обработки, понимания и генерации человеческого языка. LLM обучаются на огромных объемах текстовых данных (книги, статьи, интернет-ресурсы, научные публикации) и используют сложные нейросетевые архитектуры

² Available at: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/artificial-intelligence> (дата обращения: 19.12.2024)

³ Available at: <https://education.yandex.ru/journal/kak-ustroen-iskusstvennyj-intellect> (дата обращения: 19.12.2024)

для анализа контекста, выявления статистических закономерностей языка и генерации связного текста. Несмотря на внешне впечатляющие результаты функционирования (тексты, диалоги, переводы и т.п.) LLM остаются специализированными вероятностными алгоритмами предсказания последовательностей. Их работа в первую очередь случайна. Их основной целью является моделирование условного распределения следующего токена (например, слов) в последовательности, основанной на шаблонах (паттернах), которые они идентифицировали на основе своих обучающих данных [Novelli C. et al., 2026].

Следствием такого принципа работы LLM является принципиальная невозможность создания нового в искусстве. Безусловно, современные модели ИИ способны создать картину, техническое качество которой будет выше, чем техническое качество картины, создаваемое 99% художников; они способны подражать различным стилям и манерам великих мастеров. Но в состоянии ли они сформировать новое направление в искусстве? Образно говоря — нарисовать «Черный квадрат»? Как говорил Василий Кандинский «живопись есть искусство, и искусство в целом не есть бессмысленное созидание произведений, расплывающихся в пустоте, а целеустремлённая сила; она призвана служить развитию и совершенствованию человеческой души... Живопись — это язык, который формами, лишь ему одному свойственными, говорит нашей душе о её хлебе насущном» [Кандинский В.В., 1967: 140].

Еще одно важное замечание — дискуссия о возможности признания ИИ субъектом права, строго говоря, является абсолютно гипотетической. Известные нам примеры систем ИИ классифицируются в качестве примеров «слабого искусственного интеллекта», а сроки и сама возможность появления «сильного» искусственного интеллекта, который и мог бы быть уподоблен человеку, в том числе в правовом статусе, не определены. М.В. Залоило отмечает, что «слабый искусственный интеллект (компьютерное зрение, обработка естественного языка, речевая аналитика и пр.) нацелен на производство результата, над создаваемым с его помощью результатом человек имеет полный контроль. Сильный искусственный интеллект — воспроизводит внутреннее строение человеческого мозга, может «думать» самостоятельно. Его создания отдельными учеными оценивается скептически, другими — прогнозируется к 2029 году» [Залоило М.В., 2021: 39–40]. Однако, будучи гипотетической, дискуссия о признании ИИ субъектом права поднимает существенные вопросы из области политики права.

Далее статья посвящена вопросу, какие свойства должна приобрести система алгоритмических вычислений (продолжим в целях удобства именовать ее системой ИИ или ИИ) для возникновения оснований считать ее подобной человеку и субъектом права и может ли она приобрести эти свойства.

Выше было отмечено, что «сильный» искусственный интеллект должен уметь самостоятельно «думать». Мышление является собой совокупность процессов решения задач, выражающихся в переходе от условий, задающих проблемную ситуацию, к получению желаемого результата⁴. Мышление осуществляется путем выполнения различных операций: к ним принадлежат анализ, синтез, сравнение, классификация, обобщение, декомпозиция, конкретизация, абстрагирование, аналогия, вывод и т.п. Выполнение данных операций системой ИИ вполне возможно. Точнее говоря — системы ИИ демонстрируют результаты, тождественные результатам мыслительной деятельности человека. В доктрине отмечается, что системы искусственного интеллекта действительно способны имитировать аспекты когнитивных функций человека на уровне наблюдаемого поведения (например, диалога и объяснений) путем изучения шаблонов в данных. Это имитация усиливается за счет выбора дизайна, подобного человеческому, включая диалоговые интерфейсы, а также за счет создания явно «аргументированного» дискурса, такого как цепочка обоснований мысли. Вместе эти элементы создают подобие сущности следуя человекоподобному процессу мышления, чтобы прийти к выводам. Человек вводит запрос (prompt) в механизм искусственного интеллекта, такой как ChatGPT, и тот в большинстве случаев дает ответ, основанный на алгоритмической оценке статистических ассоциаций слов.

Авторы работы «Искусственное в «Искусственном интеллекте»: как воображение формирует регулирование ИИ» утверждают, что существуют генетические и качественные различия между тем, что способны делать машины и тем, как работают когнитивные процессы человека. Человеческий интеллект заключается в построении абстрактных, обобщаемых, концептуально структурированных внутренних моделей, которые поддерживают систему рассуждения, творческого переосмысления и адаптацию к широкому кругу переживаний, включая новые переживания. Личности делают обобщения на редких примерах, интегрируют воплощенное восприятие, эмоции, социальные взаимодействия и местную активность, проявляют метапознание, мораль и сознание. LLM, напротив, не используют глубокое контекстуальное понимание мира, которое характеризует человеческое познание. Они достигают результатов применением статистики совместного употребления слов, то есть имитируют понимание, а не обладают им. Их результаты являются результатом статистических закономерностей, а не процессов осмысления. Применение термина «интеллект» к чисто статистическому механизму лучше всего понимать как прагматическое сокращение. Мы

⁴ Available at: URL: <https://bigenc.ru/c/myshlenie-b63b4d> (дата обращения: 19.12.2024)

заимствуем это слово, потому что не хватает убедительного термина для обозначения того, что делают эти системы [Novelly C. at al., 2026].

Человеку свойственно не только выполнение указанных выше строго логических мыслительных операций, но и способность к так называемому дивергентному мышлению, заключающемуся в решении задач с множеством решений (куда поехать отдыхать летом или что приготовить на обед?). При решении (и постановке!) подобных задач необходимо проявление воли и желания и именно вопрос воли является сущностным для права. Субъект права обладает автономной волей, а не-субъект — нет. Вопрос о гипотетическом признании или непризнании систем ИИ потенциальным субъектом права — вопрос не уровня осуществления логических мыслительных операций, а вопрос воли. Сущность должна уметь самостоятельно действовать в соответствии с самостоятельно формируемыми намерениями, обладать свободой действий — тогда и только тогда правомерна постановка вопроса о признании ее субъектом права. В любой правовой системе статус юридической личности связан с социальными целями и общественными ценностями, а не только и не столько с технической сложностью функционирующего объекта.

В этой связи необходим подробный анализ свойств субъекта права как лица, обладающего автономией воли, и сопоставление автономии воли лица с автономностью системы ИИ.

2. Автономия как предпосылка признания лица субъектом права

Автономия — весьма многогранное понятие. С огромной степенью приближения можно сказать, что автономия — синоним свободы выбора, независимости лица. Однако это слишком грубое понимание.

Концепция автономии, являясь базовой для многих ключевых понятий и правовых доктрин, получила оформление в рамках философских дискуссий, восходящих к древней Греции, причем изначально данное понятие имело политико-правовую окраску: автономный полис (город-государство) — это тот, который свободно устанавливает (autos) собственные законы (nomoi) [Colburn B., 2022: 14]. У Аристотеля в «Политии» отдельные граждане автономны тогда и только тогда, когда они не живут под властью тирана, состоявшегося или стремящегося к власти. Одновременно в работах Аристотеля широко используется термин «самодостаточность» (автаркия), понимаемая как свобода от ограничений, обусловленных потребностями.

В качестве ключевого понятия моральной философии автономия разработана в работах Ж.-Ж. Руссо и особенно И. Канта.

Руссо характеризует моральную свободу как подчинение закону, который человек сам для себя установил, и противопоставляет ее «побуждению одного только аппетита» (*l'impulsion du seul appétit*), которое он называет формой рабства. Кант утверждал, что автономия есть основание достоинства человеческой и всякой разумной природы, провозглашая автономию верховным принципом нравственности. Он полагал, что автономия есть такое свойство воли, благодаря которому она сама является для себя законом (независимо от каких бы то ни было свойств предметов воления). Принцип автономии по Канту, следовательно, таков: не совершать выбора иначе, чем так, чтобы максимы нашего выбора входили в то же время в наше воление как всеобщий закон. Ключ к объяснению автономии воли этот мыслитель видел в понятии свободы, но не негативной свободы, которая рассматривается как понятие, не дающее ничего для проникновения в ее суть, а в позитивном определении свободы, которая состоит в подчинении воли нравственным законам. Таким образом у Канта свобода и собственное законодательство воли, и то, и другое суть автономия, следовательно, понятия взаимозаменяемые [Кант И., 1997: 191, 205, 233].

Обсуждение понятия автономии допустимо вести в процедурном и ценностном ключе. В первом случае речь идет о выработке критериев, при которых действия человека являются истинно автономными. Сохраняется ли автономия в случае применения к человеку физического или психического насилия, манипулятивной техники, дефицита объективной информации или инфодемии? Во втором случае акцент делается на том, почему мы ценим нашу автономию, считаем ее благом (а иногда даже высшим благом).

Соблюдение правил процедурной автономии необходимо для применения мер юридической ответственности. Определение автономии как ценности позволяет обосновать права человека.

Дж. Дворкин доказывает, что на самом фундаментальном уровне ответственность возникает, когда человек действует, чтобы внести изменения в мир, а не позволяет судьбе, переменам или решениям других участников определять будущее. Факт, что некто имеет новые возможности выбора, открывает возможности социальных и юридических санкций на лицо, осуществляющее выбор [Dworkin G., 1988: 67–68]. Таким образом, правовые последствия могут возникать только для субъектов (лиц, обладающих автономией), способных анализировать свое положение в мире, рефлексировать о своей мотивационной структуре, отдавать предпочтение тем или иным мотивам или желаниям перед другими желаниями и мотивами. Связь автономии с идеей субъектности замечательно выразил И. Берлин: «Я хочу, чтобы моя жизнь и решения зависели от меня самого, а не от каких бы то ни было внешних сил. Я хочу быть орудием моих собственных волевых актов, а не актов других

людей. Я хочу быть субъектом, а не объектом; действовать, исходя из моих внутренних причин, моих собственных сознательных целей, а не причин, воздействующих на меня со стороны. ... Я хочу прежде всего сознавать себя мыслящим, желающим, активным существом, несущим ответственность за собственные идеи и цели» [Берлин И., 1992: 248–249].

В.Д. Зорькин в выступлении на XII Санкт-Петербургском международном юридическом форуме отметил, что «с понятием субъекта права (persona) догма всегда связывала два понятия: волю и интерес. При отсутствии воли и интереса невозможно говорить о какой-либо субъектности ИИ»⁵. Ему вторит С.В. Сарбаш: «если развитие технологии приведет к тому, что роботы будут обладать свободной волей и собственным интересом, для гражданского права это будет означать появление нового субъекта права» [Архипов В.В. и др., 2018: XI]. Таким образом, когнитивные способности (умение решения различного рода задач) — очевидно недостаточны для постановки вопроса о субъектности.

Обоснование прав человека в автономии личности, имеющей значение высшей ценности для человека, является фундаментом базовых концепций современного права: признание человека, его прав и свобод высшей ценностью, защиты достоинства личности, неприкосновенности частной жизни, неотчуждаемый характер человеческих прав и свобод и других нематериальных благ, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, осуществление гражданских прав по собственному усмотрению и др.

Граница между автономией человека и допустимым патернализмом определяет подход права к конструированию правового статуса личности в самых разных аспектах (дееспособность, эмансипация, опека, попечительство и патронаж, обман, насилие, угрозы или неблагоприятные обстоятельства, неспособность лица понимать значение собственных действий или руководить ими, существенное заблуждение, защита прав потребителей или слабой стороны в договоре, отношения между врачом и пациентом и т.п.). Степень автономии лица является критерием уголовной и административной ответственности (путем определения форм вины, а также состояний необходимой обороны, крайней необходимости, физического или психического принуждения, обоснованного риска).

При этом существенной чертой, характеризующей личность человека, является способность действовать вопреки внешним обстоятельствам, принятым нормам и правилам поведения. Э. Фромм писал, что акт неподчинения как свободное действие есть начало мышления,

⁵ Зорькин В.Д. Право и вызовы искусственного интеллекта. Available at: URL: <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 19.12.2024)

иллюстрируя свое утверждением мифом об изгнании человека из рая. С его точки зрения действие вопреки приказам власти, грехопадение в своем позитивном человеческом смысле есть первый человеческий поступок [Фромм Э., 2021: 43]. Осознанное неподчинение (в отличие от ошибки, действия по незнанию и т.п.) есть проявление автономии именно в силу факта осознания неблагоприятных последствий, которые должны наступить вслед за таким неподчинением.

Отметим воззрения, отрицающие свободу воли человека. Ученый-нейробиолог Р. Сапольски утверждает, что свобода выбора — не более чем иллюзия, а мозг принимает решения прежде чем мы осознаем их, и этот процесс полностью обусловлен биологическими и химическими процессами, генетической предрасположенностью, воспитанием и случайными событиями жизни [Сапольски Р., 2025]. Такая позиция абсолютизирована. Относительно хорошо такая логика «работает» при объяснении простых взаимосвязей поведения человека и предшествующих поступков, внешних по отношению к воле и сознанию, но она очевидно не в состоянии объяснить совокупностью внешних обстоятельств и нейробиологией более сложные поступки — выбор досуга не вечер, творческие порывы, акты самопожертвования.

3. Автономность систем ИИ в отличие от автономии субъекта права

В обзоре Всемирной комиссии ЮНЕСКО по этике научных знаний и технологий «Об этике робототехники»⁶ автономность робота названа в качестве одной из четырех его основных характеристик. При этом автономность определяется как способность работать без какого-либо внешнего контроля после включения машины и, по крайней мере, в некоторых областях эксплуатации в течение длительного периода времени. К. Новелли, анализируя функционирование систем ИИ, пишет, что поведение таких сущностей автономно в том смысле, что оно не может быть результатом инструкций, заранее составленных человеком — проектировщиком, как специфическая реакция на обстоятельства [Novelli C., 2023].

Вот несколько ярких примеров такой автономности. В 2011 году Ю. Густман — говорящий компьютерный чат-бот обманул судей во время теста Тьюринга, заставив их принять его за человека. В 2017 году Facebook разработал двух чат-ботов для переговоров друг с другом. В процессе переговоров они обучались и совершенствовали тактику. В итоге эти чат-боты изобрели собственный язык для общения. Сви-

⁶ Available at: URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000253952> (дата обращения: 19.12.2024)

детельствуют ли данные примеры в пользу того, что системы ИИ достигли уровня, необходимого для сравнения с человеком — субъектом права? Примеры, безусловно, эффективные, но дело, с нашей точки зрения, не в уровне развития вычислительных и аналитических возможностей систем ИИ. Эти возможности уже превышают человеческие. Но свидетельствуют ли эти примеры об обладании систем ИИ хотя бы процедурной автономией, не говоря уже об автономии в ее ценностном понимании?

В обоих примерах чат-боты реализовывали заложенную в них программу — участвовали в дискуссиях. Они даже выбирали тактику таких дискуссий, совершенствовали инструментарий — язык. Но задача дискуссий была predetermined заложенными в программы алгоритмами и установками. Боты искали — и нашли оптимальное решение данной задачи. Проявлением автономии мог стать отказ от выполнения установки, но его-то как раз и не произошло. Боты фундаментально действовали не из «собственных сознательных целей», о которых писал И. Берлин, а в рамках реализации задач, поставленных разработчиками.

Одним из наиболее часто приводимых примеров использования алгоритмов в гражданских правоотношениях является использование торговых роботов, которые самостоятельно осуществляют сделки на фондовом рынке. Что такое торговые роботы? Программы ЭВМ, используемые для анализа биржевых данных и определения лучших моментов для покупки и продажи ценных бумаг и иных биржевых активов. В настоящее время использование торговых роботов доступно как профессионалам, так и частным инвесторам.

При довольно широком распространении торговых роботов правовое регулирование данной сферы остается недостаточным. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники⁷, принятая в Российской Федерации, фиксирует широкие возможности применения технологий искусственного интеллекта в финансовой сфере, в частности для алгоритмической торговли («торговые роботы»), для клиентского обслуживания и обработки различного рода финансовых данных, в том числе большого массива данных о банковских операциях, анализа рынков и рыночной информации, финансовой отчетности. При этом отмечается, что каждая сфера применения технологий искусственного интеллекта в финансовом секторе предполагает специфическое регулирование в зависимости от условий их внедрения. Текущее регулирование, однако, ограничивается указанием Банка России, утвердившим требования к программам

⁷ Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р // СПС Консультант Плюс

ЭВМ, используемым для оказания услуг информационного консультирования⁸.

Торговые роботы способны работать в автоматическом или полуавтоматическом режиме. Полуавтоматический режим предполагает отслеживание показателей и мгновенную подачу сигнала о возможном выгодном моменте для покупки или продаже на бирже, автоматический режим предполагает самостоятельное выполнение программой поставленной задачи. Торговый робот, используемый в рамках услуг инвестиционного консультирования, позволяет автоматизированным образом преобразовать индивидуальную инвестиционную рекомендацию в поручение брокеру без непосредственного участия клиента. В этой связи интересен вопрос о степени автономности таких торговых роботов (в контексте возможной дискуссии о субъектности систем алгоритмической торговли). Указание Банка России № 5809-У однозначно квалифицирует торговых роботов как программы ЭВМ, используемые инвестиционными советниками. Иными словами, торговый робот лишь транслирует клиенту инвестиционную рекомендацию, сформулированную инвестиционным советником. При этом направление брокеру поручения на совершение сделки в соответствии с инвестиционной рекомендацией совершается, очевидно, от имени клиента. Насколько свободен алгоритм в определении инвестиционных рекомендаций? Насколько он автономен в своей работе? Практика показывает, что алгоритм, образно говоря, «скован по рукам и ногам». В каждого торгового робота заложена торговая стратегия. При этом робот, используемый в рамках услуг по инвестиционному консультированию, составляет индивидуальные инвестиционные рекомендации в соответствии с инвестиционным профилем клиента. Контроль человека за торговым роботом заключается прежде всего в возможности отключить его или перевести в режим советника, предполагающего необходимость одобрения каждой операции человеком.

Может ли такой ограниченный алгоритм претендовать на квалификацию в качестве «электронного лица» или «электронного агента» (термина, используемого в том числе в дискуссиях о субъектности ИИ для расширения понятия субъекта права)?

Для ответа необходимо разобраться с терминами. Электронное лицо — понятие, призванное иметь правовое содержание (эта конструкция очевидно вдохновлена понятием юридического лица). Электронный (или искусственный) агент (artificial agent) — понятие не юридическое. Агентность (agency) — основополагающее понятие социологии,

⁸ Указание Банка России от 03.06.2021 № 5809-У «О требованиях к программам для электронных вычислительных машин, используемым для оказания услуг по инвестиционному консультированию» // СПС Консультант Плюс

также широко использование в области компьютерных наук, определяемое как способность к действию, способность выступать в качестве самостоятельного агента и делать осознанный и свободный выбор.

Традиционно свойство агентности приписывается только человеку. Однако есть и другой, более общий подход, согласно которому не только люди, но и большинство животных, а также некоторые роботы, системы и программное обеспечение считаются агентами. В литературе по искусственному интеллекту приводится мнение, что суть агентности в том, что «агент может в некоторой степени контролировать свою собственную судьбу». Это требует автоматизма — у агента должны быть механизмы, которые позволяют ему воспринимать окружающую среду и воздействовать на нее, не требуя вмешательства других агентов. Таким образом, термостат или вирус можно рассматривать как агента [Răzvan V.F., 2021].

Одно из определений автономного агента, сформулированного с позиций информатики, гласит, что автономный агент — это система, расположенная внутри окружающей среды и являющаяся ее частью, которая воспринимает эту среду и воздействует на нее с течением времени, преследуя свои собственные цели и стремясь реализовать то, что она ощущает в будущем [Franklin S., Graesser A., 1996: 23]. Столь широкое определение автономного агента может найти (и находит) применение в праве, но не при конструировании понятия субъекта, а, например, при определении круга интересов, достойных правовой охраны в той или иной форме.

Безусловно, «в некоторой степени могут контролировать собственную судьбу» животные. Законодательно признана их способность испытывать эмоции и физические страдания, что обуславливает требования обращения с животными исходя из нравственных принципов и принципов гуманности⁹. Закон требует защищать животных от жестокого обращения, а также не допускает при обращении с животными натравливание их на других животных, бои животных, зрелищные мероприятия, влекущих за собой нанесение травм и увечий животным, умерщвление животных, кормление хищных животных другими живыми животными в местах, открытых для свободного посещения, за исключением отдельных случаев¹⁰. Гибель животных может причинять их владельцу моральный вред — нравственные страдания, в частности в силу эмоциональной

⁹ Ст. 4 Федерального закона от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

¹⁰ Ст. 11 Федерального закона от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

привязанности, психологической зависимости, потребности в общении по отношению к животному¹¹. Все эти требования, безусловно, исходят из того, что животные — не только имущество, а живое существо, способное к эмоциям и страданиям, однако еще более — из того, что человек является существом нравственным, обязанным гуманно относиться ко всем живым существам.

Примечателен ход дискуссии о признании животных самостоятельными субъектами права в целях их защиты. С.А. Белов и М.А. Ревазов, описывая соответствующую дискуссию в США, сообщают, что если раньше такая дискуссия касалась животных, обладающих значительными умственными способностями, то сегодня в ходу аргументация о способности животных испытывать страдания [Белов С.А., Ревазов М.А., 2024: 25].

Интеллект животных и их способность испытывать эмоции и страдания не является достаточным основанием для признания их (право) субъектности. Обратное предположение зачастую базируется на методологической ошибке — утверждение, что права животных (выводимые из обязанностей людей — субъектов права — гуманно и ответственно относится к ним) требуют наличия у животных правосубъектности [Васильев С.С., 2020: 16], меняет местами причину и следствие. Возникновение прав невозможно без правосубъектности лица, а закрепление в законодательстве обязанностей людей — субъектов права ответственно обращаться с животными не требует корреспондирующих данной обязанности прав у животных.

Справедливости ради следует отметить, что радикальные выводы и правосубъектности животных на основе их способности испытывать эмоции, в том числе страдания, продвигают в основном деятели обществ защиты животных. Другие исследователи выводят правосубъектность отдельных живых существ из их разума и самосознания, благодаря которому такое существо обладает способностью воспринимать и следовать праву [Васильев С.С., 2020: 24]. Приводятся примеры законодательного закрепления статуса животных как разумных существ [Колупаева А.Н., Аббасова П.В., 2020: 58–59], что, однако, не увязывается с признанием каких-либо субъективных прав животных.

Несмотря на растущий научный консенсус о сознании животных, суды отказывают животным в статусе юридической личности (legal personhood), ссылаясь на их неспособность выполнять обязанности или понимать правовые отношения. Получившее огласку дело Happy the Elephant в Нью-Йорке (2022) подтвердило эту границу: суд постановил,

¹¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.06.2022 № 15-КГ22-1-К1 (УИД 13RS0025-01-2020-002487-73)

что, несмотря на интеллект и социальные способности слона, личность признается только за субъектами, способными взять на себя юридические обязательства и моральную ответственность [Baeyert J., 2025].

Отметим, что правосубъектность согласно теории права — способность вступать в правоотношения, т.е. правосубъектность может быть реализована только в рамках определенных социальных связей, признаваемых и защищаемых законом. Такие социальные связи могут возникать только между автономными лицами на основе взаимного признания их свободы и формального равенства. На сегодняшний день практически невозможно допустить существование подобных социальных связей между человеком и животным или человеком и ИИ.

4. Юридическое лицо как пример искусственной личности

Сторонники подхода, обосновывающего возможность рассмотрения систем ИИ как электронного агента (и следовательно как субъекта права) апеллируют к конструкции юридического лица. Они указывают на принципиальную возможность реализации признаков юридического лица у электронного агента, полагая возможной такую конструкцию, поскольку речь идет о фикции. В качестве новой правовой проблемы они отмечают, что если юридическое лицо — интеллектуальная конструкция, то робот — это программа, интегрированная в вещь (имущество) [Архипов В.В., Наумов В.Б., 2017: 167]. Есть основания полагать, что отмеченный момент — больше чем правовая проблема. Это отражение фундаментального отличия юридического лица как юридической фикции, призванной оформить сложные формы участия личностей в экономической деятельности, от электронного агента — фикции, призванной реализовать трансгуманитарную идею равенства человека и ИИ (как субъектов права). При анализе проблем признания систем ИИ как электронного агента недостаточно исходить из формальной возможности конструирования юридических фикций и формального соответствия системы ИИ признакам юридического лица. Нужно прежде всего ставить и разрешать вопрос, в каких целях предлагается такая конструкция электронного агента и необходима ли она с точки зрения интересов общества.

Попытка создать системам ИИ правовую конструкцию, схожую с правовой конструкцией юридического лица, с нашей точки зрения обусловлена не наличием для этого актуальных задач, а соображением, что наличие в праве одной конструкции — фикции (юридическое лицо) может свидетельствовать об уместности и возможности создания других конструкций — фикций (например — электронный агент). Но на деле наличие в гражданском праве искусственного (и в этом смысле

фиктивного) образования — юридического лица как раз исключает необходимость конструирования иных конкурирующих фиктивных конструкций. Нет задач, которые такая конкурирующая конструкция могла бы решать и которые не могли бы быть решены в рамках конструкции юридического лица.

Конструкция юридического лица интересна адептам «электронных личностей» в праве, вероятно, тем, что она снимает вопрос о волевых и личностных характеристиках субъекта, делает таких характеристики необязательными. Однако в действительности дело обстоит совершенно противоположным образом. Юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, а в предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации случаях юридическое лицо может приобретать гражданские права и принимать на себя гражданские обязанности через своих участников (ст. 53 ГК РФ). Органы юридического лица осуществляют его волеобразование и/или волеизъявление. Несмотря на сложные и разнообразные формы волеобразования и волеизъявления, существующие в современных юридических лицах, формируемая органами юридического лица воля в конечном счете всегда восходит к физическим лицам — участникам гражданских правоотношений.

Безусловно, исторически статус юридического лица служил функциональным целям управления, а не отражал моральную свободу действий, а правосубъектность не обязательно должна основываться на моральных принципах для достижения законных целей управления. Агентская модель юридической личности предполагает, что признание в качестве субъекта права зависит от способности субъекта действовать преднамеренно, формулировать цели и нести ответственность за последствия своих действий. Агентская парадигма основана на подотчетности в отношениях: она требует, чтобы агент был способен вступать в правовые отношения в качестве субъекта как обязанностей, так и прав. Юридическая агентская деятельность, с этой точки зрения, предполагает целенаправленные действия в условиях волевого контроля, при котором субъект может быть привлечен к ответственности в рамках нормативной базы. Исторически только люди — и, соответственно, физические лица и управляемые человеком юридические лица — признавались удовлетворяющими этим условиям [Baeyert J., 2025].

Единственная потенциальная задача признания системы ИИ субъектом права — электронным агентом могла бы состоять в возложении на этого нового «субъекта» ответственность за «его» действия. Разумеется, такая ответственность может иметь только имущественный характер (гражданско-правовая ответственность либо публично-правовая ответственность в форме штрафов). Однако этого соответствующего «субъекта» необходимо было бы наделить собственным имуществом, обособленным,

в частности от имущества юридического лица, которое осуществляло бы разработку и эксплуатацию соответствующей системы ИИ.

Однако такое решение привело бы лишь к умножению сущностей — ведь конструкция юридического лица как раз и используется для обособления и персонификации имущества как для участия в гражданском обороте, так и в целях возложения ответственности и недостатки эффективности данной конструкции для введения в оборот систем ИИ не показаны.

Создание конструкции электронного агента — субъекта права повлечет за собой лишь устранение ответственности подлинных причинителей вреда — лиц, осуществляющих разработку и (или) эксплуатацию систем ИИ.

Заключение

Право, как и государство — продукт развития общества. Люди становятся субъектами лишь в рамках социальных отношений, где каждый выступает носителем норм, ценностей, статусов и ролей. Социальные отношения могут быть основаны на разных принципах: равенства, взаимопознания, взаимности (не делай другим того, чего не желаешь себе). На сегодняшнем этапе развития общества совершенно невероятной выглядит отношение человека к ИИ на основе любого из этих принципов. Появление ИИ, потенциально обладающего собственной волей и интересом, теоретически возможно, но оно не отвечает задачам человеческого общества.

Идея потенциальной возможности признания ИИ субъектом права была и остается сугубо абстрактной — современные общественные отношения не ставят перед правом задач, которые требовали бы предметного обсуждения данной идеи. Развивающиеся «интеллектуальные» способности современных моделей ИИ, а также их растущая функциональная автономность в решении определенных задач не является основанием возникновения связей между человеком и моделями ИИ, основанных на взаимном признании автономии друг друга и морального равенства. Следовательно, невозможно существование правовых связей между человеком и ИИ как правоотношений взаимно признающих друг друга субъектов.

Список источников

1. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.

2. Архипов В.В. и др. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». В кн.: Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта. Под ред. А.В. Незнамова. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 232 с.
3. Бауман З. Свобода. М.: Новое издательство, 2021. 204 с.
4. Белов С.А., Ревазов М.А. Возмещение морального вреда хозяину в случае причинения вреда животному: проблемы правоприменения // Российская юстиция. 2024. № 3. С. 20–26.
5. Берлин И. Четыре эссе о свободе. L.: Overseas Publications, 1992. 394 с.
6. Васильев С.С. Защита прав и правосубъектность животных // Animal Law. 2020. № 1. С. 16–25.
7. Залоило М.В. Искусственный интеллект в праве. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 132 с.
8. Кандинский В.В. О духовном в искусстве. М.: Международное литературное содружество, 1967. 288 с.
9. Кант И. Основоположение к метафизике нравов. М.: Московский философский фонд, 1997. 784 с.
10. Колупаева А.Н., Аббасова П.В. Правосубъектность животных: Сравнительно-правовой анализ регулирования Российского и Американского правопорядка. Animal Law. 2020. № 1. С. 57–64.
11. Сапольски Р. Всё решено: жизнь без свободы воли. М.: Альпина нон-фикшн, 2025. 533 с.
12. Тьюринг А. Может ли машина мыслить? М.: Наука, 1960. 67 с.
13. Фромм Э. Бегство от свободы. Москва: АСТ, 2025. 288 с.
14. Baeyaert J., Beyond Personhood: The Evolution of Legal Personhood and its Implications for AI Recognition. 2025. DOI: <https://doi.org/10.71265/ssvg8a97>
15. Dworkin G. The theory and practice of autonomy. Cambridge: University Press, 1988. 173 p.
16. Franklin S., Graesse A. Is it an agent, or just a program?: A taxonomy for autonomous agents. In: Müller J.P. et al (eds.) Intelligent Agents III. Agent Theories, Architectures, and Languages. Lecture Notes in Computer Science, vol. 1193. Berlin: Springer, 1997, pp. 21–35.
17. Kaplan A., Haenlein M. Siri, siri, in my hand: who's the fairest in the land? On the interpretations, illustrations, and implications of artificial intelligence. Business Horizons, 2019, no. 62, pp. 15–25.
18. Novelli C. et al. The artificial in «artificial intelligence»: how imagination shapes AI regulation. Research paper. SSRN: <https://ssrn.com/abstract=6289639> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.6289639>.
19. Novelli C. et al. AI as Legal Persons: Past, Patterns, and Prospects. Journal of Law and Society, 2025, no. 52, p. 533. <https://doi.org/10.1111/jols.70021>.
20. Novelli C. Legal personhood for the integration of AI systems in the social context: a study hypothesis. AI & Society. 2023, no. 38, pp. 1347–1359. <https://doi.org/10.1007/s00146-021-01384-w>
21. Routledge handbook of autonomy. B. Colburn (ed.). N.Y.: Routledge, 2022. 468 p.

22. Răzvan V.F. Autonomous artificial intelligent agents. 2024. URL: <https://coneural.org/reports/Coneural-03-01.pdf>

23. Solaiman S. Legal Personality of Robots, Corporations, Idols and Chimpanzees: A Quest for Legitimacy. Artificial Intelligence and Law. 2017, vol. 25, no. 2, pp. 155–179.

Информация об авторе:

Г.И. Уваркин — кандидат юридических наук, генеральный директор.

Статья поступила в редакцию 19.12.2024; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 26.01.2026.